

Лысенко С.
(Україна)

АРЕАЛЫ ТИПОВ АРТЕФАКТОВ И ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОЙ УКРАИНЕ

Спецификой археологии как науки о прошлом человечества, изучающей его на основании материальных остатков жизнедеятельности человека, являются в первую очередь, сами археологические источники. В отличие от таких наук, как этнография или этнология, археология работает не с живыми культурами, а именно с материальными остатками (жизнедеятельности). Поэтому мы не знаем, какой признак артефакта в реальной жизни был наиболее важным, объединяющим, а какой всего лишь фоном, какие признаки были значимы для типа, как реалии. Что стоит за ареалами определенных типов артефактов: этнос, социальная или религиозная прослойка, бурные исторические события, постепенные диффузии населения или распространение идей?

Одним из основных понятий современной археологической науки является понятие «археологическая культура» (АК). Существующие подходы к определению АК советскими и западными археологами были подробно рассмотрены в монографии Л.С.Клейна «Археологическая типология»¹.

Большинство украинских археологов связывают АК с определенным древним этносом². Однако связь археологических памятников с определенным этносом не безусловна. На поселении могли жить и иноплеменники (в результате смешанных браков, усыновленные пленники, гости и т.д.). Этнографам известны и двуэтнич-

ные поселки, а также примеры того, что родственные племена могут разительно отличаться в культурном отношении, а неродственные обладают одной или сходной культурой. Таким образом «версии определения археологической культуры, основанные на идее о ее обязательном совпадении с этносом, приходится признать несостоятельными»³.

По мнению Я.А.Шера, «культуру, видимо, следует понимать ...как систему типов памятников, объектов и предметов», «как тип образован устойчивым сочетанием признаков, так культура предстает в виде устойчивого сочетания типов»⁴. Но ареалы типов далеко не всегда совпадают. И на практике зачастую для выделения границ АК, решающими являются вкусы исследователя, опирающегося на ареалы тех типов, которые ему кажутся более важными. Следует признать тот факт, что при всех декларациях необходимости комплексного подхода в исследовании и интерпретации археологических памятников, большинство археологических культур, начиная с неолита выделены только по ареалам распространения того или иного вида керамики. Прочие же типы находок, найденные вместе с сосудами определенных типов, равно как и типы бытовых и погребальных сооружений в которых эти сосуды были найдены, зачастую были просто отнесены к АК, выделенным по керамике. Кроме того, многие «ареалы

© Лысенко С., 1999.

типов» по существу являются ареалами наиболее общих признаков. Таковы «культуры шнуровой керамики», «культура многоваликовой керамики», «общность валиковых культур» и пр.

На практике сосуды, традиционно относимые к разным АК, часто встречаются вместе в закрытых комплексах. Кроме этого, ареалы типов керамики, и объединенных с нею в одну культуру прочих типов артефактов (бытовые и погребальные сооружения, положение скелетов в погребениях, изделия из металла, камня, кости и пр.) зачастую не совпадают. Не всегда совпадают ареалы типов артефактов и с ландшафтными характеристиками регионов, с которыми на прямую связаны типы хозяйственной деятельности людей, оставивших эти артефакты. Однако, взаимонакладываясь, ареалы типов, прежде всего глиняной посуды, создают иллюзию некоего монолита.

Характерным примером подобного искусственного образования является восточнотшинцевская культура (ВТК)⁵.

Памятники, отнесенные к ВТК, расположены в двух природно-климатических зонах: лесостепной и смешанных лесов. Погребения совершены по обрядам кремации и ингумации. Подавляющее большинство могильников с кремациями расположено среди смешанно-лесных и пойменных ландшафтов, на дерново-подзолистых и серых лесных почвах, на территории занятой ранее преимущественно сосново-дубовыми лесами. Могильники с ингумациями расположены в лесостепной зоне, на мало- и слабогумусированных черноземах и оподзоленных черноземах, на территории ранее занятой луговыми степями, дубово-грабовыми и другими широколиственными лесами. На основании анализа материалов ряда могильников (Малополовецкий, Казаровичский, Росавский), по ряду которых получено значительное коли-

чество радиоуглеродных дат, можно утверждать, что для Киевского лесостепного Правобережья в эпоху поздней бронзы характерны отсутствие устоявшейся позы и ориентации погребенных. Наряду с «нормальными» ингумациями на Северной Украине на протяжении всей поздней бронзы присутствуют также расчлененные погребения⁶.

Рассмотрение керамического комплекса базовых памятников из ареала ВТК (Войцеховка, Пустынка, Иванье, Мошны, Малополовецкое, сборы под Сосницей и др.) позволяет констатировать, что ВТК не имеет единого керамического комплекса. Выделяется по меньшей мере несколько несовпадающих ареалов керамических типов, частично перекрывающих друг друга, что создает видимость некоего культурного единства. При этом, приводимая С.С.Березанской характеристика восточнотшинцевской керамики по крайней мере в Среднем Поднепровье характерна именно для полесских памятников. На лесостепных ландшафтах такая керамика практически всегда встречается в контексте иных керамических традиций⁷.

При анализе бронзовых украшений ВТК, также не удастся выделить единого для всей культуры ареала. Так картографирование браслетов со спиральными шитками, широко распространенных в польском Тшинце, позволяет утверждать, что в Среднем Поднепровье, представляющем собой центр ВТК, все памятники, на которых найдены такие браслеты расположены на лесостепных ландшафтах и связаны, за исключением нескольких случайных находок, с трупоположениями.

В лесостепном Среднем Поднепровье найдено и подавляющее большинство бронзовых изделий (серпов, кельтов, кинжалов, копий и т.д.), традиционно относимых к срубной культуре. Считается, что эти вещи, в виде сырья или гото-

вой продукции, поступали сюда от индоиранского населения юга и востока Украины⁸. В.И.Клочко отнес значительную часть этих находок к восточно-тшинецкой (сосницкой) культуре⁹. С последней он связывает и формирование Лобойковского очага металлообработки. По мнению В.И.Клочко Лобойковский очаг металлообработки датируется XVI–XIII вв. до н.э., сформировался в Среднем Поднепровье и был впоследствии заимствован срубными племенами на позднем этапе их существования¹⁰. Исследования последних лет на могильнике Малополовецкое-3, где были найдены сосуды из талькового сланца, подобного тому, из которого изготовлялись литейные формы, а также хронологическое и территориальное совпадение памятников с керамикой малополовецкого типа (КМТ)¹¹ с наиболее архаичными находками Лобойковской традиции, позволяют предполагать, что носители керамической традиции КМТ сыграли не последнюю роль в сложении Лобойковской металлургической традиции. При этом с Лобойковской металлургией следует связывать не только КМТ, а и «срубную» керамику с валиковым орнаментом, появление которой в Киевском лесостепном Правобережье совпадает с временем формирования Лобойковского очага. Таким образом, если придерживаться версии существования некой единой ВТК, причем оставленной «праславянами»¹², остается непонятным, почему же металлургическая традиция, формировавшаяся в самом ее сердце распространяется в дальнейшем не среди «однокультурного» «праславянского» населения, а среди «индоиранцев» срубной общности, равно как и «позднесрубная» валиковая керамика. При этом Лобойковская металлургическая традиция в Среднем Поднепровье хронологически и территориально сосуществует с карпато-дунайскими традициями, к которым восходят практически все металлические украшения. Подобные

украшения в срубном ареале отсутствуют. Только в Киево-Черкасском лесостепном Поднепровье распространены небольшие серпы (жатвенные ножи) Старобыковского типа¹³, по непонятным причинам также связываемые со срубной культурой.

Таким образом восточно-тшинецкая культура по погребальному обряду, керамическому комплексу, ареалу характерных «тшинецких» украшений четко распадается на две большие зоны, практически совпадающие с природно-климатическими. При этом распадается сам комплекс тшинецкой культуры, когда ареал преобладания «тшинецкой» керамики не совпадает с ареалом «тшинецких» украшений. «Тшинецкие» элементы здесь сосуществуют со «срубными», причем не только в металле, а и в кухонной керамике, что уж никак нельзя объяснить концепцией «перехрестя обмінної торгівлі»¹⁴.

На основании вышесказанного, все проводимые этнические сопоставления, в частности сопоставление Тшинца с протославянами, являются несколько некорректными. Распространение и развитие разных типов артефактов шло по разным направлениям, с разной скоростью, и по разным законам. При этом постоянные импульсы разнообразных инноваций, быстро превращавшихся в традиции делают невозможным рассмотрение культурно-этнических взаимосвязей в регионе в традиционном ключе межкультурного влияния, когда культуры понимаются как некий монолит, имеющий более-менее устоявшийся «центр» и «периферию», подверженную «инокультурным» влияниям¹⁵.

По нашему мнению, несколько неудачен сам термин АЖ. В философии и культурологии изначально под «культурой» понимается способ освоения человеком окружающей среды, противопоставляя Культуру Природе¹⁶, способ адаптации человека к природе. И чем ниже ступень

развития человечества, тем более человек, его культура зависит от природы, от особенностей того микрорегиона, в котором осуществляется адаптация человеческого коллектива.

Во многих обобщающих работах целью археологического исследования становятся фактически древняя история, палеоэтнография, палеоэкономика, палеосоциология и т.д. При этом применяются и методы исследования, свойственные истории, этнографии, экономике, социологии и т.д. (наук, безусловно, смежных с археологией, но все-таки других наук), а археологический материал превращается всего лишь в иллюстрацию моделей, созданных методами неархеологических наук. Происходит незаметная подмена понятий. Конечные выводы проистекают не непосредственно из изучаемого методами полевой археологии археологического источника, а из совокупности более или менее достоверных, основанных на логических реконструкциях, гипотез.

Исходя из этого, мы предлагаем использовать модель, при которой за всеми признаками артефактов изначально признается равноценное значение. Будучи самостоятельной наукой, Археология, на наш взгляд, должна пользоваться своими терминами и говорить не о древних этносах, социальных группах и т.д., а о том, что непосредственно исследуется в поле, т.е. об археологических памятниках и кустах памятников, о признаках и о типах, как сочетаниях признаков. И исходя из этого, не о миграциях, вторжениях и прочем, что изучает наука Древняя История, а о направлениях распространений типов артефактов, закономерностях и возможных причинах их распространения, исчезновения, деградации, консервации и пр.

Такой подход вовсе не низводит археологию до уровня «вещеведения», описания находок, а позволяет выявить глубинные закономерности возникнове-

ния и развития типов вещей, влияние развития типов артефактов на биологические, социальные, этнические процессы. Важным является взаимосвязь определенных типов и групп типов артефактов с определенными ландшафтами, которые могут препятствовать распространению определенных вещей и традиций, или, наоборот, являться катализаторами их распространения.

Исходя из возможных сочетаний признаков, мы предлагаем различать 4 группы типов: фоновые, локальные, транскультурные и сопутствующие. При этом следует отметить условность градаций, связанную, в первую очередь, с фрагментарностью полевых исследований, которые всегда могут внести свои коррективы, а во-вторых, фактор времени: типы, бывшие в одну эпоху фоновыми, могут оказаться локальными и т.д., то есть, предложенные группы типов не имеют жесткой иерархии и рассматриваются как равноценные.

Для выяснения реальных процессов и отнесения типов артефактов к одной из групп, предполагается использовать радиоуглеродную датировку закрытых комплексов в микрорегионах, что позволит исследовать динамику развития определенных типов.

Фоновые типы (Ф) встречаются компактно на сравнительно больших территориях. Собственно они сейчас и являются основой выделения АК, создают так называемый «наглядный образ культур». Например: керамика тшинецкого типа (КТТ) — сосуды высоких пропорций, имеющие плавный эсвидный профиль, утолщенный венчик, значительную примесь дресвы в тесте, зачастую орнаментированные углубленными линиями. Или же браслеты со спиральными щитками «тшинецкого» типа, ножи «срубного» типа и т.д.

Именно фоновые типы, частично перекрывая друг друга, создают некую «этно-археологическую» непрерывность¹⁷. Предположительно, распространение их связано с взаимовлияниями расположенных рядом кустов памятников (диффузии в результате колебаний малой амплитуды).

Локальные типы (Л) имеют специфические особенности, отличающие конкретный микрорегион на конкретном временном отрезке. Например: керамика малополовецкого типа (КМТ) отличается от КТТ специфическим характером обработки поверхности, часто совмещенным с псевдоваликовым орнаментом, и наличием в тесте блесток слюды. Тюльпановидные сосуды сосницкого типа (КСнТ) имеют многозональный «постнеолитический» орнамент, в отличие от КТТ, орнаментированных преимущественно в верхней части корпуса. Предположительно, именно локальные типы наиболее чувствительно реагируют на динамику реальных процессов человеческого развития (миграции, вторжения, интенсивные направленные диффузии вещей и идей).

Транскультурные типы (Т) – типы невыразительных артефактов, слабо реагирующие на изменения локальных и фоновых типов. Ярким примером таких изделий являются глиняные конические или кумпфовидные банки, распространенные на больших просторах Евразии, или же простые бронзовые кольца. По сути, эти находки создают своего рода фон для фоновых типов. В польской археологии сходным является понятие «межкультурный тренд», обозначающее невыразительные кремневые изделия.

Сопутствующие типы (С) – проявления транскультурных типов на локальном уровне, когда они содержат ряд признаков ведущих локальных типов. Например: КМТ-С – глиняные конические или кумпфовидные банки, имеющие подобно КМТ-Л в примеси дресву и слюду и массивный, часто граненный венчик.

Для обозначения фоновых, локальных и сопутствующих типов, автор считает целесообразным пользоваться производными от названий памятников, на которых эти типы были впервые выделены или наиболее хорошо изучены. Например: керамика тшинецкого типа, керамика малополовецкого типа¹⁸, булавки гордиевского типа¹⁹, подвески белогрудовского типа и т.д. В ряде случаев, исходя из сложившихся «наглядных образов» до проведения специальных исследований предлагается использовать устоявшиеся традиционные термины, не связанные с географическими названиями: многоваликовая керамика, керамика срубного типа.

Рассмотрение артефактов в рамках предложенной модели, позволит выйти на реальную динамику процессов древности, исходя из источников и методов исследований собственно археологической науки. Кроме того, предлагаемая модель является достаточно гибкой для включения новых материалов полевых исследований, не вписывающихся в традиционные иерархические модели, основой которых является выделение археологических культур.

¹ Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991 – С. 123–208.

² Цит. по: Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991 – С. 185; Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. – К., 1972 – С. 126.

³ Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991 – С. 151–153.

⁴ Цит. по: Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991 – С. 144.

⁵ Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. – К., 1972.

⁶ Лысенко С.Д. Ритуальные расчленения эпохи поздней бронзы на Северной Украине // Матеріали VI Міжнародної археологічної конференції

студентів та молодих вчених (травень 1998 р.). – Чернівці, 1998.

⁷ Лысенко С.Д. Памятники эпохи средней-поздней бронзы на Фастовщине // Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego i sposoby kształtowania się nowej rzeczywistości kulturowej w spódkowej i młodszej epoce brązu. Streszczenia referatów. – Zamosc, 7–9 XII 1998. – Р. 42–44.

⁸ Отрощенко В., Вовк Т. Київщина у давній історії України // Екзиль. – 1998. – № 2. – С. 12.

⁹ Клочко В.И. Металлургическое производство в энеолите-бронзовом веке // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. – К., 1994. – С. 96–132.

¹⁰ Клочко В.И. Лобойковская металлургия – к проблеме восточной границы Восточнотшинецкой культуры // Trzciniec: system kulturowy czy interkulturowy proces. Streszczenia referatów. – Poznan, 1997. – С. 37–39.

¹¹ Лысенко С.Д., Куштан Д.П. Про виділення пам'яток з керамікою малополовецького типу // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених (квітень 1997 р.). – К., 1997. – С. 109–112; Лысенко С.Д., Скиба А.В. Памятники с керамикой малополовецкого типа на Супое // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. – К. – С. 106–109.

¹² Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. – К., 1972. – С. 191–193.

¹³ Klochko W.I. The metallurgy of the pastoral societies in the light of copper and bronze processing in the Northern Pontic steppe- forest-steppe zone;

4500–2350 BC // Baltic-pontic studies. – Vol.2. – 1994. – S. 158; Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. – К., 1961. – С. 142; Куштан Д.П. Нові знахідки металевих виробів доби бронзи у Черкаському Подніпров'ї // Археологічні відкриття польового сезону 1998 р. – К., 1998. – С. 96–97.

¹⁴ Отрощенко В., Вовк Т. Київщина у давній історії України // Екзиль. – 1998. – № 2. – С. 12.

¹⁵ Лысенко С.Д., Лысенко С.С. К вопросу о восточнотшинецкой культуре // Проблемы археологии юго-восточной Европы: Тез. Докл. VII Донской археолог. Конф., 22–26 ноября 1998 г.). – Ростов-на-Д., 1998. – С. 51–53.

¹⁶ Бичко А.К., Гнатенко П.І., Феоктистов А.М. та ін. Теорія та історія світової і вітчизняної культури. Курс лекцій. – К., 1993. – С.8.

¹⁷ Лысенко С.Д. Ритуальные расчленения эпохи поздней бронзы на Северной Украине // Мат. VI Міжнародної археологічної конференції студентів та молодих вчених (травень 1998 р.). – Чернівці, 1998.

¹⁸ Лысенко С.Д., Куштан Д.П. Про виділення пам'яток з керамікою малополовецького типу // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених (квітень 1997 р.). – К., 1997. – С. 109–112.

¹⁹ Клочко В.И. Лобойковская металлургия – к проблеме восточной границы Восточнотшинецкой культуры // Trzciniec: system kulturowy czy interkulturowy proces. Streszczenia referatów. – Poznan, 1997. – С. 34.